

*ОБЪЕКТИВАЦИЯ СУБКОНЦЕПТА «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ»
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА
В. ЛИХОНОСОВА «НАШ МАЛЕНЬКИЙ ПАРИЖ.
НЕНАПИСАННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ»*

М.Г. САБАДАШОВА

*Кубанский государственный технологический университет,
350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Московская, 2;
электронная почта: sabadashova_m.g@mail.ru*

В статье предлагается объективация субконцепта «историческая память» на примере романа В. Лихоносова «Наш маленький Париж. Ненаписанные воспоминания». Автором представлено определение «историческая. память» в виде субконцепта в рамках семантического единства «память/забвение». В работе освещены современные представления ведущих российских лингвистов о типологии лингвокультурных концептов. Согласно мнению автора статьи, выделяется шесть пунктов объективации субконцепта «историческая память». Работа иллюстрируется многочисленными примерами из текста романа.

Ключевые слова: объективация, субконцепт, семантическое единство, лингвоконцептология, лингвокультурология, лингвокультурный концепт.

Семантическое единство (СЕ) «память/забвение» мы рассматриваем, как неразрывное целое лингвокультурных концептов, которые по С.Г. Воркачеву являются ментальными образованиями любой степени общности, обладающими внутренней семантической расчлененностью, отмеченными этнокультурной спецификой и находящими фиксированное языковое выражение [2]. Отличительными признаками лингвокультурных концептов являются: мировоззренческая направленность (телеономность), аксиологичность (оценочность) и «переживаемость» (эмоциогенность), сложность (многомерность и иерархичность) признакового состава, теоретичность как системность организации этого состава – выводимость одних признаков из других.

Обладающие этими признаками лингвокультурные концепты «память» и «забвение» можно рассматривать как единое целое, некую идею, совокупность, еще более органично соответствующую семантическим сущностям, которым присущ набор перечисленных признаков.

Среди множества эпитетов памяти особняком стоит определение «историческая»: память может быть исторической личной (история жизни) и исторической коллективной (история общества). Мы вычленили это понятие из семантического единства (СЕ) «память/забвение» и рассматриваем его как субконцепт «историческая память» [5].

Человек мыслит личную память исторически, как историю своей жизни. Обращаясь к памяти для воссоздания эпизодов прошлого, он осмысляет, анализирует, интерпретирует, извлекает информацию. Ситуация воспоминания предполагает мысленное возвращение в прошлое. К прошлому апеллируют, как к некой реальности, очевидной истине. Оно рождает чувство завершенности. Две основные составляющие внутреннего мира человека: сердце и ум – формируют «наивную» типологию памяти: «память сердца» и «память рассудка». Причем часто «память сердца» вопреки всему становится главнее, значимее, более эмоционально окрашенной, чем «память рассудка». Понять или вновь почувствовать – вот два повода обращения к собственной памяти. В то время как память дает возможность и эмоционально, и интеллектуально переживать прошлое. В этом состоит целостность памяти. Благодаря этому свойству памяти прошлое становится некоей альтернативой настоящему: жить прошлым / воспоминаниями, уйти в прошлое. То, что хранится в памяти, несет на себе печать истинного, а, следовательно, и ценности. Запоминанию, хранению подлежит то, чему приписывается ценность. Таким образом, из множества отдельно взятых примеров личной памяти складывается историческая коллективная память общества.

Ярким примером объективации субконцепта «историческая память», как личной, так и общественной, является роман В. Лихоносова «Наш маленький Париж, Ненаписанные воспоминания». Это произведение, по сути, является этнической эпохой, своего рода сагой кубанской жизни, вобравшей в себя историю Екатеринодара, его обитателей, все пласты, всю разноголосицу, весь колорит кубанского казачества. От начал Запорожья и до 80 –х годов века

ушедшего – время его действия. От Парижа и до Хуторка в степной глуши – место действия.

В. Распутин [3] в послесловии к роману отмечает, что с этой книгой в нашу российскую литературу памяти добавилась еще одно интереснейшее произведение. И все это в воспоминаниях. Это роман-воспоминание не только по материалу, но и по форме изложения: «Из воспоминаний», «Из записок», «Из дневника»... Поэтому в романе есть все – и Царское Село, и приемы казачьих депутатий императором, и российские юбилейные торжества, и празднества, связанные с историей казачества, а в ней и гражданская война, и добровольческая армия, и нелегкая жизнь казаков вдали от Родины, безымянные забытые их могилы.

«Память» – вот чем пронизаны от первой и до последней страницы романа В. Лихоносова. Искренней болью об утраченных свидетельствах былой славы, о забытых, а часто и преданных анафеме – казаках, об исчезающем историческом облике города проникнуто все повествование В. Лихоносова.

Автор ставит перед собой цель воскресить, восстановить, оживить и «оставить на память то, что исчезло, исчезает и о чем мало кто знает» [4]. До Лихоносова ничего подобного не было написано про Кубань и казачество, а такая географическая и этническая реальность, как Екатеринодар, просто отсутствовала на карте отечественной литературы. Поразителен даже временной период (1978 – 1983) написания романа. Это были годы приснопамятного застоя, время закоснелого «одобрямс»: последние попытки партийных функционеров противостоять новым веяниям и уже понимание обреченности этих попыток. Как в это время могло прийти в голову писать о белых русских офицерах, об атаманах земли Кубанской, об эмиграции, о трагической судьбе царской семьи и целого сословия – оплота русского самодержавия. Лихоносов тех лет еще не устоялся, еще жаден на дорогу, на встречи, на новые места. Работая в архивах, вычитал там такую сочную, такую яркую и живописную жизнь, так не похожую на жизнь провинциального Краснодара в скучные 70-е. Успел еще застать нескольких стариков из той

жизни и жадно их порасспросить, ходил для этого по людям, ездил по станицам. Но и ругал себя, зачем не догадался сделать это раньше, когда еще многие из них были живы! Ему жалко каждого человека, прожившего свою жизнь, единственную и неповторимую, и – уходящего, ушедшего без следа. Разве не достоин каждый живший когда-либо быть запечатленным хотя бы на нескольких добрых и памятных страницах?

Пожалеть человека – одно из главных понятий в лихоносовской системе ценностей: «Жалко было и горожан, никем никогда не помянутых...» [3]. Роман В. Лихоносова «Наш маленький Париж: ненаписанные воспоминания» «пример простодушной любви к людям, к памяти обо всем родном...» [3].

Объективация субконцепта «историческая память» в романе:

1. Люди – творцы истории.

«В суматохе тех праздников и будничных дней еще жили люди, которых спишут со скрижалей истории, и жили те, кто прославится на будущие времена» [3].

« – Можем ли мы знать, какими они были.

– Они были репаные казаки, но их не вернешь, и мы будем там, да вспомнят ли нас, как мы завтра вспомнем кошевое войско с Антоном Головатым и Чепигой?» [3].

«На войсковом кладбище на камнях надписи напоминали о бесконечной печали. «О люди! Что теперь вы, то и мы были некогда, что теперь мы, то и вы скоро будете...» [3].

«Никто никогда не догадается, какая нечаянная встреча произошла вечером 11 июня 1964 года под этим лепным потолком в доме всеми забытого Батыр-Бека Шарданова!» [3].

«На другой день владелец картинной галереи Ф.А. Коваленко, которого город забудет навсегда, получил письмо от Л.Н. Толстого, а от государя – золотую медаль на Станиславской ленте» [3].

2. Личная память как часть исторической коллективной памяти общества.

«Все российские и местные события вспоминал потом Попсуйшапка в связи с личными делами, переменами или горем» [3].

«Только, может, душа казацкая блукала в отголосках о житье-бытье на Кубани» [3].

«Все двенадцать атаманов давно в могиле, и нет больше города Екатеринодара. Седой его голове, может, и все равно, а душа вдруг заскорбит жалко чего-то. Кому понять тоску старого казака, когда он видит на месте войскового храма гнилые черные доски? Так же дед его вздыхал по Запорожской Сечи. Недаром же сказано в нетленных писаниях: “... и всходит утро, и гаснет заря...; взверзи на Господа печаль свою...”» [3].

«Под станицей Ивановской, заслоненной в сумерках знаменитым Красным лесом, казаки помянули крестными знаменами некогда славный Ольгинский редут, называли друг другу фамилии почивших товарищей, соседей, станичников. И рассказывали, а Калерия слушала. Если б знала, что к ее старости никто ничего не будет помнить, то, наверное, записала бы что-нибудь. Уж так, как говорили тогда старики о преданиях, потом не умели» [3].

«В том году хлеб стоил 5 копеек, говядина 14 копеек фунт, четверть пшеницы (5 пудов) – десять рублей – это уж Попсуйшапка не мог позабыть никак [3].

«Толстопят пел, вспоминая голос деда, переливаясь с его не забытыми им интонациями, пел с отчаянием разлуки с краем, который покидали его предки по разным причинам, и потому постанывал как бы за всех: за тех, кто оглядывался на валы станицы, ворота и пушку, уходя на службу в Персию, в Среднюю Азию, в Петербург, в Варшаву, отрываясь от семьи на войну с турками под Плевной, постанывал за тех, кто уцелел и припоминал в пьяном застолье свою тоску по хате, пел за бывших соседей с оселедцами, за всю родню свою черноморскую, спавшую вечным сном на пашковском погосте, за утонувших в Кубани, похищенных горцами, воображал налегке и свое расставание, но горечи от этого на душе не копилось: он знал, что если и

расстанется с ненькой-Кубанью, то ненадолго, а улетать из родного гнезда за моря-океаны ему незачем» [3].

3. Народ много знает, да мало помнит.

«Сбылось ясное пророчество и на нем если хочешь почувствовать, как прошла твоя жизнь, навести свою родину, узнай со скорбью, как мало помнят тебя» [3].

«– Выпей лучше за Костогрыза и своего деда.

– И твоего! За кувшин с золотыми монетами! За Бурсаковские скачки. Живем. Никто никого помнить не будет, так поживем пока» [3].

«– Шо ж вспоминать будут о нас?

– А мы кого помним? – Лука пошел в наступление» [3].

«Поклали свои головы деды на покорение Кавказа, а их мертвых следов нету. Скот гуляет по кладбищу» [3].

«Пропало, сгнуло казачество... И могилу старого Бурсака затоптали. До того дойдет, шо наших могил, может, и искать будет некому» [3].

«Костогрыз чуть не заплакал. Никому ничего не нужно, так? Все ушло, заросло бурьяном, и даже старые казаки – генералы потеряли в суете царской службы и расправы с бомбистами всякое чувство к черноморцам» [3].

«Испуг по-русски легко забывался» [3].

4. «Пусть бедная старость горюет о прошлом!.. У молодости нет сожалений!» [3].

«Пускай себе Костогрыз и его товарищи поминают дни, когда они не пропускали ни одного войскового торжества и старейшие по летам говорили речи во время закуски» [3].

«Мы вам поклонимся за то, шо старовыну помянули» [3].

«Он (Бурсак) ходил и на все глядел и обо всем думал как бы от имени тех, кто домой не вернулся. За эти два часа вспомнилось столько такого, что совершенно потускнело в эмиграции...

...Легкое удивление переходило в грусть, грусть – в сожаление; сожаление – в горе» [3].

«Службу заканчивал сам архиепископ, совал прихожанам крест для целования. Неужели одна душа так мгновенно перекликнулась с другой? Бурсака будто что-то толкнуло в грудь. Это «что-то» был сверкнувший пораженный взгляд архиепископа Ювеналия. В толпе он сразу же увидел и узнал пришельца Бурсака, хотя с тех пор, как он в Париже был для кубанских казаков духовником, прошло много лет» [3].

«Еще будучи помощником начальника области, Бабыч забирал Луку Костогрыза на охоту в Красный лес. Никто на охоте не умел его так растрогать воспоминаниями о «старовыне», посмешить за ужином, как этот казак, единственный уже, наверно, на всей Кубани носивший на голове оселедец (толстый, словно девичья коса)» [3].

«Подаянием в сиротские дни люди вымаливают прощение, вспоминают свое горе: у кого немая дочка, у кого калека хозяин, кто-то прожил век без детей» [3].

«Сама судьба, верно, повелела ей ночевать в этой хате и приманивать на старости любителей древности воспоминаниями о звонаре» [3].

«И в ту минуту, когда Костогрыз еще хмурился и ковырялся в семейных обычаях старины, Попсуйшапка уговаривал себя пожалеть жену» [3].

«Ему о многом написали еще до войны, но нынче, когда Бурсак неспешно, с одинокой тайной в душе, пересекал исторические кварталы, глаза искали в иную минуту то, что зацепилось в памяти как вечное украшение и бытие, исчезновению чего он не хотел верить» [3].

5. Память любви.

«Детство, кажется, протекло в хуторке. Кое-что уже вспоминалось как потеря, но в ожидании счастья нежного потеря не была горькой» [3].

«Она всегда опаздывала минут на десять. За одни минуты ожидания можно было ее помнить всю жизнь» [3].

«Бурсак вспоминал потом не раз и особенно часто в Париже, как хороша она была в тот миг. Случаются в жизни минуты: увидишь барышню, и искрой падет на душу влюбленность» [3].

«Отраден стыд наслаждения, но пусты без любви воспоминания» [3].

« – А знаете, что вас ждет? – спросил Толстопят. – Вы теперь будете думать обо мне. Проснетесь, а на памяти я.

– Я вспомню о вас, чтобы пойти и сказать наказному атаману. О том, какие у нас офицеры» [3].

«Маленькое приключение в 1908 году все же повенчало их памятью» [3].

6. Материализация памяти.

«Металлический вензель «А II» на левой груди внушал часовым почтение. То был вензель в память 1 марта 1881 года» [3].

« – Ах, идет куда-то Россия-матушка. Когда это на памятники царям вешали хомуты?! Такого бы-ить не могло! Взобрались на памятники Екатерине II и повесили ей на шею хомут, представляете?» [3].

«В девятьсот пятом году хомут на Екатерину II повесили, это им не забудется» [3].

«Над Крепостной площадью возносился памятник Екатерине II с ажурным забором вокруг, полосатой будочкой с чахлыми еще деревцами. Казаки задрали головы, обсмотрели все стати царицы, поснимали свои шапки. До такой власти разве доберешься? – говорил их вид. Угрозой и внушением сирым и непокорным стоит с тонким длинным крестом в руке навеки уверенная царица, и – господи спаси! – вокруг ее платья в свой рост отлиты были мастерами родные запорожцы: кошевые атаманы, бандурист, поводырь с сумкой за плечами и с палкой и прочие, такие ж простые, как они, теперешние казаки» [3].

«В трех шагах от них громко рассуждал толстенный союзник:

– Я предложил бы ставить памятники исключительно выдающимся гражданам! Грехи негодяев полезно помнить вечно. Памятники из черного металла!» [3].

На страницах романа оживают Петр Толстопят, Дементий Бурсак, Калерия Шкуронатская, Василий Попсуйшапка, Лука Костогрыз, Аким Скиба, наказной атаман Бабыч. Вместо них могли бы быть другие персонажи, но

неизменным осталось бы их время. Исчезнувшее навсегда время не уходит бесследно. У прошлого нет границ, его отменить нельзя, забвение прошлого – несчастье для последующих поколений. Нельзя жить на земле, не помня, чем здесь жили прежде, не зная о трудах, славе, присяге и искренних заблуждениях наших предков. Нельзя быть Иванами, не помнящими родства. Как же нам отменить то, что было всего лишь десятки лет назад?

Нельзя не согласиться с мнением Н. Брагиной [1] о том, что и в языке, и в культуре образ человеческого бессмертия представлен как вечное хранение в коллективной памяти имени, образа умершего, т.е. образ человеческого бессмертия отсылает к памяти других.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагина, Н. Г. Память и прошлое: языковые образы, культурные практики / Н. Г. Брагина // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2003. – Т. 62. – № 5. – С. 3 – 13.

2. Воркачев, С. Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы / С. Г. Воркачев // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2007. – Т. 66. – № 2. – С. 13 – 22.

3. Лихоносов, В. И. Наш маленький Париж. Ненаписанные воспоминания / В. И. Лихоносов. – М.: Сов. Россия, 1990. – 656 с.

4. Тихий свет Виктора Лихоносова: сб. художествен.-публ. статей / под ред. Т.А. Василевской. – Краснодар: Книга, 2006. – 116 с.

5. Сабадашова, М. Г. Лингвокультурные концепты «память» и «забвение» в произведении В. Лихоносова «Наш маленький Париж ненаписанные воспоминания» / М.Г. Сабадашова // Художественная концептосфера в произведениях русских писателей: сб. науч. ст. / ред. и сост. М.М. Полехина. – Магнитогорск: МаГУ, 2010. – Вып. II. – С. 230 – 236 (0,4 п.л.).

REFERENCES

1. Bragina, N. G. Pamyat i proshloe: yazykovyie obrazyi, kulturnyie praktiki / N. G. Bragina // Izvestiya AN. Seriya literaturyi i yazyika. – 2003. – Т. 62. – # 5. – S. 3 – 13.

2. Vorkachev, S. G. Lingvokulturnaya kontseptologiya: stanovlenie i perspektivy / S. G. Vorkachev // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. – 2007. – Т. 66. – # 2. – S. 13 – 22.

3. Lihonosov, V. I. Nash malenkiy Parizh Nenapisannyye vospominaniya / V. I. Lihonosov. – М.: Sov. Rossiya, 1990. – 656 s.

4. Tihiy svet Viktora Lihonosova: sb. hudozhestven.-publ. statey / pod red. T.A. Vasilevskoy. – Krasnodar: Kniga, 2006. – 116 s.

5. Sabadashova, M.G. Lingvokulturnyye kontseptyi «pamyat» i «zabvenie» v proizvedenii V. Lihonosova «Nash malenkiy Parizh nenapisannyye vospominaniya» / M.G. Sabadashova // Hudozhestvennaya kontseptosfera v proizvedeniyah russkikh pisateley: sb. nauch. st. / red. i sost. M.M. Polehina. – Magnitogorsk: MaGU, 2010. – Vyip. II. – S. 230 – 236 (0,4 p.l.).

*THE OBJECTIFICATION OF THE SUBCONCEPT «HISTORICAL MEMORY»
IN SCIENTIFIC FICTION ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL BY
V. LIKHONOSOV «OUR LITTLE PARIS. UNWRITTEN MEMOIRS»*

M.G. SABADASHOVA

*Kuban State Technological University,
2; Moskovskaya st., Krasnodar, Russian Federation, 350072,
e-mail: sabadashova_m.g@mail.ru*

The article proposes the objectification of the subconcept "historical memory" as an example of the novel by V. Lihonosov "Our little Paris. Unwritten memoirs" The author presents a definition of "historical. memory "in the form of the subconcept within the semantic unity" memory/oblivion". The paper highlights the modern representation BY the leading Russian linguists of the typology of linguocultural concepts. According to the six points of the article's author, the objectification of the subconcept "historical memory "Represents. The work is illustrated by numerous examples from the text of the novel.

Key words: objectification, subconcept, semantic unity, linguoconceptology, cultural linguistics, linguocultural concept.